

В. Н. Липский

Западноевропейская цивилизация и культура в мировосприятии Ф. М. Достоевского

Предметом анализа в статье является осмысление Ф. М. Достоевским европейской цивилизации и культуры и взаимоотношений между ними. Показывается, что во главу угла при понимании указанных феноменов Достоевский помещает христианские ценности. В контексте проведенного анализа выявлена незаангажированность Достоевского ни рамками славянофильства, ни рамками западничества. Являясь глубоким социальным аналитиком, мыслитель приходит к выводу, что доминирование цивилизационных процессов, набравшее силу в современной ему Европе к середине XIX в., самым пагубным образом сказалось на всех сферах общественного бытия. Обращено внимание на позицию художника, указывающего на бескорыстие действий России на мировой арене, на убежденность писателя в неразрывной связи России с Европой. В статье проводятся некоторые параллели между событиями, имевшими место во времена Достоевского и событиями нашего времени. В работе впервые проанализированы взгляды Достоевского на систему *цивилизация – культура*, сделана попытка уйти от применения к Достоевскому одномерного подхода «славянофил – западник» и др.

Ключевые слова: цивилизация, культура, западники, славянофилы, христианские ценности, индивидуализм, рационализм, духовное единство, самосознание, православие.

V. N. Lipsky

The Western European Civilization and Culture in F. M. Dostoevsky's World Perception

In the article the subject of the analysis is F. Dostoevsky's comprehending of the European civilization, the culture and the relationship between them. It is shown that Dostoevsky placed the Christian values in the basis of the understanding of the specified phenomena. In the context of the provided analysis it is revealed that Dostoevsky was not limited to either a framework of the slavophilism or a framework of the westernism. Being a deep social analyst the thinker came to a conclusion that the domination of the civilization processes which gained strength in modern to him Europe to the middle of the 19th century affected most ruinously all the spheres of the public life. The attention to the thinker's position is paid indicating the disinterested actions of Russia on the world scene, the writer's conviction in the indissoluble relations between Russia and Europe. In the article some parallels are drawn between the events taking place in those days and events of our time. In the article for the first time Dostoevsky's views of the system «civilization-culture» are analyzed. The attempt is made to avoid using to Dostoevsky a one-dimensional «Slavophile-Westerner» approach.

Keywords: civilization, culture, Westerners, Slavophiles, Christian values, individualism, rationalism, spiritual unity, consciousness, Orthodoxy.

Проблема современного понимания взаимоотношения цивилизации и культуры не является предметом нашего рассмотрения. Тем не менее следует оговориться, что мы в своем анализе станем придерживаться одного из подходов в понимании соотношения цивилизации и культуры, который в науке принято приписывать О. Шпенглеру и некоторым другим исследователям. Магистрально смысл этого подхода состоит в том, что ценности цивилизации опираются на фундаментальные ценности культуры, что эти феномены автономны и в дальнейшем своем развитии приобретают противоречащие друг другу свойства. Именно такое осмысление этих феноменов следует из содержания и логики творчества Ф. М. Достоевского, который за несколько десятков лет до О. Шпенглера высказал мысль о пагубном влиянии европейской цивилизации на духовные стороны жизни человека.

Западноевропейская цивилизация и культура в силу целого ряда объективных обстоятельств стали формироваться задолго до того, как их ценности попали на русскую почву. И поэтому для национальной традиции было в этом плане естественно обращать свои взоры к Западной Европе. Особенно активно это стало проявляться после петровских реформ. Стремление русской дворянской знати к европеизации получило соответствующее отражение в разных формах в ряде произведений известных русских писателей, художников, музыкантов (уместно вспомнить в связи с этим имена Фонвизина и Грибоедова). И сам Ф. М. Достоевский «как представитель дворянского класса был целиком образован европейской культурой, все его литературные идеалы пришли с Запада, почерпнутые из европейской философии и литературы» [9, с. 8].

В философских и литературоведческих источниках в разные периоды рассматривался во-

прос о принадлежности Ф. М. Достоевского к лагерям славянофилов и западников (Н. Бердяев, Н. Лосский и др.), однако определенного ответа на вопрос, к какому из лагерей примыкал Достоевский, нет, да его, скорее всего, и не может быть, так как Достоевский-писатель и Достоевский-мыслитель не дают на него однозначного ответа. Анализируя творчество Достоевского, можно найти немало оснований для отнесения его к сторонникам славянофильского мировоззрения: опора на православную веру и неприятие атеизма, духовная близость к «униженным и оскорбленным», негативное отношение к западным формам политического устройства общества, безусловное признание русского пути социального развития и многое другое идеологически сближают его со славянофилами. В одной из статей Достоевский прямо пишет: «Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя, может быть, и не вполне славянофил» [3, с. 195].

С другой стороны, ровно все то, что было духовно близко Достоевскому, не принимали западники: они проповедовали атеизм и отрицательно относились к православию, утверждали, что нет никакой «русской правды народной», а все своеобразное в русском народе есть пережиток варварства. По их мнению, дальнейшее развитие русского народа должно свестись к усвоению им ценностей западноевропейской цивилизации. Однако прямое противопоставление Достоевского западникам опровергается самим Достоевским: «О, знаете ли вы, господа, как дорога нам мечтателям-славянофилам, по-вашему, ненавистникам Европы, эта самая Европа, эта “страна святых чудес”! Знаете ли вы, как дороги нам эти “чудеса” и как любим и чтим мы великие племена, населяющие ее, и все великое и прекрасное, совершенное ими... Никогда вы, господа наши европейцы и западники, столь не любили Европу, сколько мы, мечтатели-славянофилы, по-вашему, исконные враги ее» [3, с. 197–198].

Идеализация Запада, начавшаяся в России с петровских реформ, как отмечалось, породила преклонение перед Европой, а затем, как следствие, – разочарование в Западе, отвернувшись после французской революции от идей истинного христианства. В этом смысле славянофилы (по крайней мере, некоторые из их лидеров) – это, скорее всего, разочаровавшиеся в Европе бывшие западники. Достаточно напомнить известные слова одного из идеологов славянофильства А. С. Хомякова:

О грустно, грустно мне!
Ложится тьма густая
На дальнем западе, стране святых чудес...

Европейское прошлое с его «пиками» в периоды Античности и Возрождения, по которому тоскуют и Достоевский и Хомяков, сменилось низвержением в мир корысти и наживы в XIX в. В этой ситуации Россия, полагает Достоевский, единственная способна стать той силой, которая сможет создать «духовный союз верующих», что должно вернуть Европу в лоно христианства. Собственно, славянофильство Достоевского не что иное, как вера в великие силы «народа русского», а дифференциация на славянофилов и западников носит временный характер и является свидетельством формирования национального самосознания: «Все эти славянофильства и западничества – все это лишь одно великое недоразумение, правда, исторически необходимое в просыпающемся русском сознании, но которое, конечно, исчезнет, когда русские люди взглянут прямо на вещи в глаза» [4, с. 214].

Очевидно, формирование национального самосознания – довольно длительный процесс, даже если предположить, что он может протекать «гладко» (что на практике, понятно, невозможно), так как с тех пор, как были написаны эти строки, прошло почти 150 лет и процесс этот продолжается, а «недоразумение» еще сохраняется, хотя и приобрело другие формы. В связи с этим можно в известном смысле согласиться с мнением Н. Бердяева о том, что «Достоевский ценил западников за их новый опыт, за динамизм воли, за усложненное сознание. Для него славянофилы не понимают движения. Он стоит за трагический реализм жизни против неподвижного реализма славянофилов» [2, с. 65]. Справедливости ради полностью не согласимся с Бердяевым, так как полагаем, что непонимание движения, скорее, можно отнести лишь к ранним славянофилам.

Таким образом, в литературных и философско-публицистических произведениях Ф. Достоевского по поводу славянофилов и западников достаточно рефлексии, поэтому на аргументы исследователей творчества писателя, относящих его к одной из упомянутых лагерей, всегда возможно отыскать контраргументы, свидетельствующие о неприменимости категорического отнесения столь масштабной личности к какому-либо движению, ибо «закон берет спокойное». Пожалуй, справедливо вести речь об эволюции взглядов Достоевского: ярый сторонник применения в России европейских идей революционного переустройства общества в молодости, что привело его в лагерь петрашевцев, и убежденный враг революции и революционеров впоследствии, ибо в «революции свобода пере-

рождается в рабство» (Н. Бердяев), а революционеры на деле оказываются «страшно далеки от народа», ради которого они затевали революционное переустройство.

Отношение Ф. М. Достоевского к идеям революционного переустройства общества – своеобразный ключ к пониманию им цивилизационных достижений Запада. Начавшаяся после Великой Французской Революции модернизация христианских ценностей, следствием чего стало утверждение в светской и религиозной жизни европейского рационализма, вызывает возмущение писателя: «Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то дух разврата. В народе началось какое-то неслыханное извращение людей с повсеместным поклонением материализму. Материализмом я называю, в данном случае, преклонение народа перед деньгами, перед властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь все заключает в себе всякую силу, а что все, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, – все вздор... Развратительнее этой мысли не может быть никакой другой» [5, с. 30]. Религиозная трагедия европейской цивилизации, по мысли Достоевского, состояла в том, что на место родового христианства она поставила ценности католицизма и протестантизма, что ведет Западную Европу к катастрофе.

Следует сказать, что начало буржуазно-цивилизационного процесса в Европе в художественной литературе было запечатлено еще до Достоевского. Одним из первых это сделал О. Бальзак в «Человеческой комедии». Так, в частности, Вотрен, один из персонажей его произведения «Отец Горио», следующим образом наставляет молодого Растиньяка, жаждущего богатства, славы и власти: «Обольстить женщину, чтобы взобраться на ту или иную ступеньку социальной лестницы, посеять раздор в семье между детьми, словом, пойти на все мерзости, какие совершают шито-крыто, но так или иначе в целях личной выгоды иль наслаждения... Тайна крупных состояний, возникших неизвестно как, сокрыта в преступлении, но оно забыто потому, что чисто сделано» [1, с. 373]. Бытописание знаменитого французского писателя, выносящего свой «диагноз» зарождающейся буржуазии, фиксирует начальный этап ее деградации, в то время как творчество Достоевского пришлось уже на вторую половину XIX в., когда социальная деградация и расслоение достигли значительных размеров. Кроме того, в Достоевском сочетаются художник, обладающий даром отражения бытия, и глубокий мыслитель, способный прогнозировать развитие социальных процессов.

Во второй половине XIX в. тенденции деградации буржуазного мироустройства проявляют себя уже отчетливо, и хотя основные цивилизационные «прелести» еще впереди, но Достоевский их уже предвидит: «...наступает время переходное, то есть цивилизация. (Цивилизация есть время переходное.) В этом дальнейшем развитии наступает феномен, новый факт, которого никому не миновать, это развитие личного сознания и отрицание непосредственных идей и законов (авторитетных, патриархальных, законов масс). Человек как личность всегда в этом состоянии... становился во враждебное отношение к авторитетному закону масс и *всех*. Терял поэтому *всегда*, веру и в Бога. <...> Это состояние, то есть распадение масс на личности, иначе цивилизация, есть состояние болезненное. Потеря живой идеи о Боге тому свидетельствует» [6, с. 192].

Цивилизация есть нечто временное, «переходное», ибо не может быть вечным «болезненное» состояние, иначе конец. В ходе этого неизбежного процесса «законы масс» уступают место законам индивидуализма, так как цивилизация – это «распадение масс на личности», что, полагает Достоевский, ведет к самому страшному – к потере «живой идеи о Боге»: «Воинствующий католицизм берет яростно “и со страстью” против нас сторону турок (размышления написаны Достоевским во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – В. Л.). И даже в Англии, даже в Венгрии нет столь яростных ненавистников России в настоящую минуту, как эти воинствующие клерикалы... сам папа, громко в собраниях ватиканских, с радостью говорил “о победах турок” и предрекал России “страшную будущность”. Этот умирающий старик, да еще “глава христианства”, не постыдился высказать принародно, что каждый раз с веселием выслушивает о поражении русских» [4, с. 13]. Негодование Достоевского вызвано тем, что «глава христианства», так сказать, западноевропейский наместник всевышнего? радуется известиям о гибели людей (при этом не важно, какой они национальности). Обращает на себя в данном случае внимание не столько неприятие писателем католической веры, сколько его сосредоточение на яром антигуманизме «просвещенного» европейца, что зеркально напоминает восторженную реакцию одной современной высокопоставленной и «просвещенной» американки на известие о гибели одного высокопоставленного ливийца.

Вырождение западноевропейской цивилизации, очевидно, стало вызревать внутри ее задолго до времен Федора Михайловича, однако до Достоевского никто не смог сделать столь глубо-

кого анализа ее пороков. Иллюстрацией такого вырождения может служить судьба Дантона – одного из отцов-основателей Первой французской республики, сказавшего перед казнью слова о том, что «революция пожирает своих детей». А последовавший за этим событием якобинский террор, направленный против «врагов» народа», возможно, знаменует собой начало политической деградации Европы. Следствием подобных процессов вскоре станет утверждение власти денежного мешка и последовавший упадок нравственных качеств подавляющего большинства власть предержащих, а следом – распространение духовного падения практически на все стороны жизни людей и общества.

Мечтатель-Достоевский надеялся, что цивилизационная «переходность» в Европе в конце концов сменится благостным периодом культуры, в рамках которого восторжествуют подлинно христианские ценности. Однако «переходное» время затянулось, а угрожающие человеку и культуре процессы распространились не только по территории Европы, но захватили и Россию, в которой революционеры попытались вовсе упразднить православные ценности. В этом смысле они оказались достойными последователями европейских реформаторов. Тем не менее, судя по всему, Россия сохранила потенциал к возрождению, несмотря на колоссальные потери, возникающие в круговерти ее исторического движения.

Во всяком случае, вера в потенциальные возможности России никогда не покидала Достоевского, который считал, что хотя в технико-технологическом смысле европейская цивилизация и выступает в роли «старшего брата» для русской цивилизации, однако «не хлебом единым», поскольку потребление никогда не было приоритетом в России. Полемизируя в свое время с профессором А. Градовским по вопросу различия западноевропейского и русского просвещения, Ф. М. Достоевский отмечает, что если иметь в виду под просвещением «науки Запада, полезные знания и ремесла», то Россия могла получить их только из европейских источников, а если иметь в виду просвещение духовное, то тут «нам нечего черпать из западноевропейских источников за полнейшим присутствием (а не отсутствием) источников русских» [4, с. 150].

Поэтому главное различие между Россией и Европой, полагает Достоевский, в том, что, в отличие от Европы, у России сохраняется духовный стержень, который не зависит от «экономической силы». Сила России – в духовном единстве, а в «Европе, где накоплено столько бо-

гатств, все гражданское основание всех европейских наций – все подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков, а взамен наступит нечто неслыханно новое... И все богатства, накопленные Европой, не спасут ее от падения, ибо в один миг исчезнет и богатство» [4, с. 132]. То есть водораздел между Россией и Европой, по убеждению Достоевского, находится в сфере культуры. Финансово и экономически богатая Европа, ступив на почву стяжательства и потребления, утратила прежнее духовное лидерство, и эту роль, уверен мыслитель, должна взять на себя Россия.

Ф. М. Достоевский не противопоставляет Россию и Европу, он не склонен гипертрофировать национальное любой ценой, но как истинный христианин, наблюдая, как попираются в новой Европе общечеловеческие ценности, видит выход в мессианском предназначении России: «У нас – русских – две Родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно. Величайшее из величайших назначений, уже сознанных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, – не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству» [7, с. 30].

На протяжении своего исторического пути Россия не однажды имела возможность и во времена Достоевского и позже продемонстрировать миру эту свою миссию, и каждый раз Европа, сталкиваясь с глобальным альтруизмом России и русских, недоумевала, пытаясь приложить к такому поведению свой рационалистический смысл. В «Дневнике писателя» за 1876 год, размышляя над участием России в войне на Балканах, Достоевский пишет: «Сербия вышла в поле, надеясь на свою силу, но уже, разумеется, она знает, что только Россия сохранит ее от гибели...» [7, с. 45], но «Европа смотрит теперь на Россию с затаенной недоверчивостью», так как ей не понятно, что такое альтруистическое поведение вообще возможно: «Для русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит *честно* – вот и весь ответ на вопрос. Пусть в Англии первый министр извращает правду пред парламентом из политики и сообщает ему официально, что истребление шестидесяти тысяч болгар произошло не турками... а славянскими выходцами, – и пусть весь парламент верит ему и безмолвно одобряет его ложь...» [7, с. 45].

Отвечая недоуменным европейским лидерам того времени, в чем состоит «корысть» такого поведения России, писатель отмечает: «Выгода

России именно, коли надо, пойти уже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости» [7, с. 45]. В то же самое время «просвещенная» Европа созерцает «борьбу христиан и султана, не вмешиваясь в нее, но... пока только до времени... до дележа наследства» [7, с. 45], а потому в Европе в бескорыстие не верят, а «поверят скорее плутовству или глупости».

Вместе с тем с петровских времен «мы учились и приучали себя любить французов и немцев и всех, как будто они были нашими братьями, и несмотря на то, что те никогда не любили нас, да и решили нас не любить никогда» [7, с. 46], мы с традиционной нашей терпеливостью и гостеприимством раскрывали и раскрываем им наши объятия, как будто они являются «нашими братьями». И хоть Достоевский и называет Европу своей второй родиной, но он прекрасно осознает, что Европы с ее высоким уровнем культуры, которая была ему дорога, уже нет, – ее вытеснила рационально ориентированная цивилизация, избавившаяся за ненадобностью от понятий «справедливость», «бескорыстие», «честность» и др.

Читая «Дневник писателя», порой не расстаешься с ощущением, что Достоевский писал его в наши дни. Например, мировое сообщество помнит, как в не столь давние времена бывший американский госсекретарь К. Пауэлл показывал в ООН пробирку с неким порошкообразным веществом в качестве «доказательства» наличия химоружия у С. Хуссейна и международное сообщество (как и английский парламент во времена Достоевского) ему верило или делало вид, что верит. Повод, по крайней мере, отыскали, и американские войска вторглись в Ирак. И не столь уже было важно, что химоружия потом в Ираке не нашли, как, впрочем, и доказательств о вмешательстве России в последнюю президентскую кампанию в США. До чего же могут быть похожи времена!

Вердикт Достоевского относительно перспектив европейского (и не только) цивилизационного процесса носит крайне негативный характер. Полемицируя с революционными демократами (с Н. Г. Чернышевским в первую очередь), писатель утверждает, что в ходе развития буржуазных отношений индивидуализм становится свойством каждого «развитого человека XIX столетия», вследствие чего человек, «пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение». И если «Стеньки Разины» ярко бросаются в глаза, то в цивилизованных обществах «кровопроливцы» никого не удивляют «потому, что они слишком

часто встречаются, слишком обыкновенны, примелькались». Даже наука, поставленная на службу цивилизации, превращает человека в безвольное, лишенное чувств существо, у которого «ни воли, ни каприза на самом деле» нет и, в конечном итоге, он трансформируется в «нечто вроде фортепьянной клавиши или органного шрифтика...» [8, с. 152].

Однако значит ли это, что свою нынешнюю и будущую жизнь Россия должна строить, основываясь на отрицании достижений европейской цивилизации? Скорее, следует учесть ее просчеты, отбросив, в первую очередь, ее всепоглощающий рационалистический дух и крайний индивидуализм, наполнив при этом процесс своего развития свойственными европейской и русской культуре родовыми смыслами.

Библиографический список

1. Бальзак, О. Собр. соч.: в 24-х т. Т. 2 [Текст] / О. Бальзак. – М.: Правда, 1960. – 538 с.
2. Бердяев, Н. Русская идея. Миросозерцание Достоевского [Текст] / Н. Бердяев. – М.: Э, 2016. – 600 с.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30-ти т. Т. 25 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1983. – 470 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 26 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1983. – 517 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 22 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1981. – 407 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 20 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1980. – 432 с.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 23 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1981. – 422 с.
8. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 10-ти т. Т. 4 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М.: Художественная литература, 1956. – 612 с.
9. Суконик А. Достоевский и его парадоксы [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 256 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Bal'zak, O. Sobr. soch.: v 24-h t. T. 2 [Tekst] / O. Bal'zak. – M.: Pravda, 1960. – 538 s.
2. Berdjaev, N. Russkaja ideja. Mirosoczercanie Dostoevskogo [Tekst] / N. Berdjaev. – M.: Je, 2016. – 600 s.
3. Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch.: v 30-ti t. T. 25 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1983. – 470 s.
4. Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. T. 26 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1983. – 517 s.
5. Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. T. 22 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1981. – 407 s.
6. Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. T. 20 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1980. – 432 s.
7. Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. T. 23 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L.: Nauka, 1981. – 422 s.

8. Dostoevskij F. M. Sobr. soch.: v 10-ti t. T. 4 [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1956. – 612 s.

9. Sukonik A. Dostoevskij i ego paradoksy [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. – 256 s.

Reference List

1. Balzac O. Collected edition.: in 24 v. V. 2. – M. : Pravda, 1960. – 538 pages.

2. Berdyaev N. Russian idea. Dostoyevsky's world view. – M. : Э, 2016. – 600 pages.

3. Dostoevsky F. M. Complete collected edition: in 30 v. V. 25. – L. : Nauka, 1983. – 470 pages.

4. Dostoevsky F. M. Complete collected edition V. 26. – L. : Nauka, 1983. – 517 pages.

5. Dostoevsky F. M. Complete collected edition. V. 22. – L. : Nauka, 1981. – 407 pages.

6. Dostoevsky F. M. Complete collected edition. V. 20. – L. : Nauka, 1980. – 432 pages.

7. Dostoevsky F. M. Complete collected edition. V. 23. – L. : Nauka, 1981. – 422 pages.

8. Dostoevsky F. M. Complete collected edition: in 10 v. V. 4. – M. : Khudozhestvennaya Literatura, 1956. – 612 pages.

9. Sukonik A. Dostoevsky and his paradoxes. – M. : Yazyki Slavyanskoi Kultury, 2015. – 256 pages.